

Ю. С. Никифоров

Великая российская революция 1917 г. и культура историка: размышления Н. И. Кареева

Статья посвящена влиянию Великой российской революции 1917 г. на культуру российского историка. В центре внимания настоящей работы бинарная проблема – «культура историка в эпоху революции и революция в жизни историка». Культура историка понимается как «система компетенций, ценностей и представлений, способов научно-педагогической деятельности и взаимодействия внутри исторического сообщества», включающая исследовательский, педагогический и коммуникативный уровни. В ракурсе анализа находится «русская историческая школа», к которой авторитетный исследователь Г. П. Мягков относит таких выдающихся историков конца XIX – начала XX в., как П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, М. С. Корелин. Методологическую основу исследования составила антропологическая парадигма исторической науки. На примере представителя «русской исторической школы» рассматривается влияние революции на творчество научного исторического сообщества. Анализируется восприятие и оценка ученым-историком бурных событий революции и Гражданской войны. Влияние Великой российской революции 1917 г. на сообщество историков рассматривается в творческом и экзистенциальном измерениях. Через анализ происхождения революции в мемуарах историка «русской школы» предпринята попытка конструирования его идеологических ценностей. В исследовании были проанализированы фрагменты мемуаров Н. И. Кареева, а также историографические источники.

Ключевые слова: П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, историки «русской школы», революция, культура историка, культурная память, исторический контекст, элитарное сознание, национальное самосознание.

Yu. S. Nikiforov

The 1917 Great Russian Revolution and the Historian's Culture: N. Y. Kareev's Thoughts

The article is devoted to the influence of the 1917 great Russian revolution on a Russian historian's culture. The focus of the present work is a binary problem – «the historian's culture in the age of revolution and the revolution in the historian's life». The historian's culture refers to «a system of competencies, values and ideas, methods of scientific and pedagogical activities and interactions within a historical community», which includes research, teaching and communication levels». The «Russian historical school» is in the center of the analysis, authoritative researcher G. P. Myagkov includes such prominent historians of late XIX – the beginning of the XX century as P. G. Vinogradov, N. Y. Kareev, M. M. Kovalevsky, I. V. Luchitsky, M. S. Korelin. The methodological basis of the research was a historical science anthropological paradigm. For example, the representative of the «Russian historical school» examines the impact of the Revolution on the creativity of the scientific historical community. Here is analyzed the perception and evaluation of the stormy events of the Revolution and the Civil War by a scholar-historian. The influence of the 1917 Great Russian Revolution on the historians' community is seen in the creative and existential dimensions. By means of the analysis of the Revolution origin in the memoirs of the historian of «the Russian school», the attempt is made to construct his ideological values. The study analyzed the fragments of N. Y. Kareev's memoirs and historiographical sources.

Keywords: P. G. Vinogradov, N. Y. Kareev, historians of the «Russian school», Revolution, a historian's culture, cultural memory, historical context, elitist consciousness, national consciousness.

В последней трети XIX – начале XX в. в отечественной исторической науке сформировалась группа ученых, которые занимались проблемами западноевропейской истории нового времени. От французских коллег (Ж. Жореса, А. Олара и др.) эта группа российских историков получила название «*русская историческая школа*» или «*русская школа*» историков («*école russe*»), к которой обычно относят Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого [23]. Г. П. Мягков, чья точка зрения для нас определяющая, помимо Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого, добавляет в состав «русской

школы» также П. Г. Виноградова и М. С. Корелина [16, 17, 18].

Творчество ученых «русской исторической школы» привлекало значительное внимание исследователей [7]. В то же время ее изучение проходило преимущественно или с историографических позиций, или в плане анализа теоретико-методологических взглядов, а культурно-исторический аспект находился несколько в стороне. Между тем исследование интеллектуальной культуры [24] достаточно перспективно.

В центре внимания работы бинарная проблема – «*культура историка в эпоху революции и ре-*

волюция в жизни историка», которая является логическим продолжением темы «историк в эпоху Первой мировой войны и Первая мировая война в жизни историка» [20, 22, 26]. Надо сказать, что тема «историк в эпоху революции» затрагивалась в современной историографии [1]. В настоящем исследовании обратимся к такому аспекту, как влияние Великой российской революции 1917 г. на культуру российского историка, а также происхождению, последствиям и восприятию революции 1917 г. в интерпретации такого историка «русской школы», как Н. И. Кареев [8, 9].

Культура историка понимается как «система компетенций, ценностей и представлений, способов научно-педагогической деятельности и взаимодействия внутри исторического сообщества», включающей исследовательский, педагогический и коммуникативный уровни» [21, с. 19].

Стоит сказать, что к моменту Великой российской революции 1917 г. из 5 крупнейших историков «русской школы» в трактовке Г. П. Мягкова лишь 3 продолжили свое творчество: П. Г. Виноградов (1854–1925), Н. И. Кареев (1850–1930), И. В. Лучицкий (1845–1918). М. М. Ковалевский (1851–1916) скончался незадолго до революции [3, 11, 19], а М. С. Корелин (1855–1899) умер еще на закате XIX в. [10, 25]. Позиция И. В. Лучицкого в силу его специфического идейного дискурса требует отдельного исследования [12, 13]. Особо рельефно тема революции 1917 г. представлена, на наш взгляд, в публицистических статьях П. Г. Виноградова [4, 5] и в мемуарах Н. И. Кареева [9]. В настоящей статье более подробно остановимся на позиции Н. И. Кареева.

Размышления Кареева о революции интересны, с одной стороны, их либерально-патриотическим дискурсом историка [22], а с другой – жизненной ситуацией, в которой находился ученый после революции 1917 г. В отличие от другого историка «русской школы» П. Г. Виноградова – профессора кафедры Оксфорда, который задолго до революции 1917 г. фактически эмигрировал из России в Великобританию, Н. И. Кареев, напротив, пребывал в самой Советской России, испытывая на себе все прелести революции, Гражданской войны и новой власти большевиков. Если П. Г. Виноградов мог достаточно свободно вещать о революционных событиях в России, то Н. И. Кареев, вероятно, должен был быть более сдержан, думать о последствиях своих речей для себя и семьи [6].

Весьма интересны размышления историка о характере и происхождении революции. С точки зрения ученого, импульсом и катализатором революции стала Первая мировая война [9, с. 293]. Кареев как настоящий историк (по собственному выражению Кареева, «книжный человек и чисто кабинетный ученый») подчеркивал долговременные истоки: «длительная западноевропейская революция, начавшая со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего общества» [9, с. 289]. Революция представляется Карееву вполне закономерным явлением и «неотвратимой стадией» поступательного общественного развития: «Пришествие ее было естественным и необходимым, законосообразным моментом исторической эволюции... Предотвратить ее могло только чудо – отказ царя от самодержавия, а высших сословий – от привилегий» [9, с. 289]. Такая позиция ученого отражает, с одной стороны, либеральные прогрессистские воззрения историка, а с другой – его богатый научный опыт по исследованию западноевропейских революций, в частности Великой французской революции.

Анализируя причины революции, ученый указывал на дефицит исторических знаний как у элиты, так и у широких народных масс: «Одна из причин революции – незнание абсолютными правительствами истории низвергавшихся раньше правительств... народы тоже нередко теряли свободу от незнания аналогичных случаев в прошлом» [9, с. 290]. Как видно, здесь вновь проявились либеральные взгляды историка – вера в силу и значимость для общества исторической науки, выступающая частью коммуникативной культуры историка.

Кареев подчеркивал одновременную спонтанность, стихийность и ожидаемость революции для значительной части общества: «Сама революция, ожидавшаяся одними с надеждой, другими со страхом, была тоже великой неожиданностью» [9, с. 291]. Надо сказать, что в этом смысле Кареев не был исключением: многие представители элиты в Российской империи испытывали подобные ощущения [4, 5].

Историк постулировал тезис о цикличности и повторяемости исторических событий. В качестве примера он называл такое сопутствующее революции явление, как инфляция, проводя аналогии с Великой французской революцией: «Перед моими глазами развертывались знакомые явления, только в новых вариантах... Мне всегда казалось маловероятным, что во время французской революции за чашку кофе приходилось платить сотни или тысячи ливров» [9, с. 292].

Ученый констатировал дуализм революции, выделяя 2 ее стороны, – «праздничную» и «изнанку», или «патологию»: «Бросалась в глаза казовая, героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой, у которой была своя проза, свои будни, своя изнанка, рядом с героизмом, своя патология» [9, с. 292]. Следует отметить, что подобный прием противопоставления – один из характерных элементов размышлений Кареева в мемуарах.

Рассмотрим повседневный аспект влияния революции и Гражданской войны на жизнь, быт и культуру историка. Н. И. Кареевым вспоминаются бытовые проблемы, ставшие следствием революции, – холод, недоедание, безденежье и «невозможность многое достать и за деньги»: «Осень, зиму и весну 1920–21 гг. прожили мы в Петербурге... Питание ухудшалось не только качественно, но и количественно. Чувствовалось постоянное недоедание, сопровождавшееся физической слабостью... трудно было, особенно в деревне, добывать писчую бумагу» [9, с. 272, 274–275]. В приведенном фрагменте стоит обратить внимание на тот факт, что, несмотря на все материальные невзгоды, историк продолжал думать об интеллектуальной исследовательской деятельности, необходимой основой которой было наличие канцелярских принадлежностей, в том числе упомянутой писчей бумаги.

Революция коснулась и библиотеки историка – важнейшей части научного багажа любого ученого: «Осенью 1921 г. ... очередь дошла до моей библиотеки, часть которой я был вынужден продать, чтобы купить на зиму дров и обзавестись «буржуйкой» [9, с. 273]. В рассмотренном отрывке не трудно заметить оттенок горестных эмоций истинного интеллектуала, который терял привычную часть своего интерьера и образа жизни.

Под влиянием революционных событий нарушилась и привычная преподавательская деятельность историка: «Аудитории не топились, посещались малым количеством слушателей... вечерние занятия не всегда были возможны, потому что очень часто не было никакого освещения» [9, с. 273]. Следовательно, педагогическая культура историка была надломлена чисто бытовыми проблемами.

Коммуникативная культура историка, в особенности научные контакты, также оказалась под жестким прессом катаклизмов революции: «Мы очутились отрезанными от научного движения на западе: недоступность заграничных поездок, ... получение из-за границы научных книг и журна-

лов почти совершенно прекратилось... оставалось перетряхивать старый материал для новых книг и статей, имея в виду и заработок» [9, с. 274–275]. Как видно из цитаты, рефреном в мемуарах историка, наряду с затруднениями для научной коммуникации, идут и материальные проблемы, имевшие, вероятно, гораздо большее значение для Кареева в условиях революции.

Вследствие всеобщей разрухи особенно пострадала публикационная активность историка: «Самыми тяжелыми временами в типографском издательском деле были 1919–1921 гг., в течение которых мне почти ничего не удалось напечатать» [9, с. 274–275]. Этот короткий фрагмент текста мемуаров Кареева, на наш взгляд, иллюстрирует важнейший маркер, свидетельствующий о деформирующем влиянии революции на культуру историка.

Анализ отдельных фрагментов воспоминаний Н. И. Кареева, а также историографии показал, что в мемуарах историк выступил как яркий носитель определенных идеологических ценностей, которые могут быть определены как либеральные. На примере Н. И. Кареева можно убедиться, что революция и Гражданская война оказали самое пагубное воздействие на исследовательскую, педагогическую и коммуникативную культуру историка. Под давлением катаклизмов Великой российской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны в России произошла деформация всех 3 ключевых уровней культуры историка (исследовательской, педагогической, коммуникативной). В качестве своеобразных маркеров, индикаторов для оценки деформации культуры историка выступили как его научная и педагогическая деятельность в целом, так и более частные детали – библиотека историка, возможность коммуникации и научных контактов, а также публикационная активность ученого.

Либеральные, прогрессистские воззрения Н. И. Кареева оказали определяющее влияние на его представления как историка о характере, происхождении, предпосылках и перспективах революции в России. Для историка характерна вера в прогресс и силу исторической науки. Кареев выделял такие существенные черты революции 1917 г., как одновременная стихийность и ожидаемость революции, ее дуализм. Он развивал тезис о цикличности и повторяемости исторических событий.

В интерпретации Н. И. Кареева импульсом и катализатором революции стала Первая мировая война, а дефицит исторических знаний у элиты и

народа стал одним из важнейших факторов революции. Размышления Кареева о революции 1917 г. интересны как характерный образец либерально-патриотического дискурса и элитарного сознания,

Таким образом, на примере историков «русской школы» можно убедиться в том, что творческий, повседневный и экзистенциальный аспекты влияния Великой российской революции на ученый мир в целом и научное сообщество историков в частности представляют собой обширную перспективу для исследования в страноведческой плоскости и в проблемном поле историографии.

Библиографический список

1. Алеврас, Н. Н., Гришина, Н. В. Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года [Текст] / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Диалог со временем. – 2008. – № 25–1. – С. 87–108.
2. Антощенко, А. В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов [Текст] / А. В. Антощенко. – Петрозаводск, 2010. – 342 с.
3. Бодров, О. В. Профессор М. М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России [Текст] / О. В. Бодров. – Казань, 2006. – 326 с.
4. Виноградов, П. Г. В России желательна республика. Некоторые впечатления от русской революции [Текст] / П. Г. Виноградов // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. – М., 2008. – С. 377–387.
5. Виноградов, П. Г. Россия на распутье-1 [Текст] / П. Г. Виноградов // Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. – М., 2008. – С. 460–468.
6. Долгова, Е. А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг. [Текст] / Е. А. Долгова // Российская история. – 2015. – № 4. – С. 77–89.
7. Зезегова, О. И. Традиции «école gusse» в исследованиях советских историков [Текст] / О. И. Зезегова // Диалог со временем. – 2008. – № 24. – С. 248–261.
8. Золотарев, В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: эволюция и содержание [Текст] / В. П. Золотарев. – Л., 1988. – 270 с.
9. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н. И. Кареев. – Л., 1990. – 384 с.
10. Ключевский, В. О. М. С. Корелин: некролог на смерть историка [Текст] / В. О. Ключевский // Россия и Современный мир. – 2004. – № 4. – С. 150–160.
11. Ковалевский, М. М. Моя жизнь [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 2005. – 784 с.
12. Лучицкая, М. В. Мемуары [Текст] / М. В. Лучицкая. – М., 2003. – 212 с.
13. Лучицкая, С. И. Иван Васильевич Лучицкий – исследователь истории Украины / С. И. Лучицкая,

Л. В. Таран // Вопросы истории. – 2007. – № 3. – С. 153–161.

14. Малинов, А. В. Россия в историософской публицистике П. Г. Виноградова [Текст] / А. В. Малинов // Международные отношения и диалог культур. – 2016. – № 4. – С. 369–397.

15. Моисеенкова, Л. С. Патриарх российской медиовистики (жизнь и научное творчество П. Г. Виноградова) [Текст] / Л. С. Моисеенкова. – Симферополь, 2000. – 194 с.

16. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] / Мягков Г. П. – Казань, 2000. – 286 с.

17. Мягков, Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования [Текст] / Г. П. Мягков // Диалог со временем. – 2011. – № 34. – С. 206–214.

18. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции [Текст] / Г. П. Мягков. – Казань, 1988. – 190 с.

19. М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин [Текст]: сборник статей [Текст]. – Пг., 1917. – 278 с.

20. Никифоров, Ю. С. Историки «русской школы» в эпоху Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [Текст] / Ю. С. Никифоров // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 54–59.

21. Никифоров, Ю. С. Культура российского историка последней трети XIX – начала XX в. (на примере представителей «русской исторической школы») [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Ю. С. Никифоров. – Ярославль, 2010. – 24 с.

22. Никифоров, Ю. С. Происхождение и характер Первой мировой войны в либерально-патриотическом дискурсе историков «русской школы» (1914–1916 гг.) [Текст] / Ю. С. Никифоров // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – С. 45–52.

23. Погодин, С. Н. Русская историческая школа: Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий [Текст] / С. Н. Погодин. – СПб., 1997. – 280 с.

24. Репина, Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования [Текст] / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2011. – № 36. – С. 5–8.

25. Сафронов, Б. Г. Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина [Текст] / Б. Г. Сафронов. – М., 1984. – 172 с.

26. Филимонов, В. А. Н. И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка [Текст] / В. А. Филимонов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 106–112.

Bibliografischeski spisok

1. Alevras, N. N., Grishina, N. V. Istorik na pereput'e: nauchnoe soobshhestvo v «smute» 1917 goda [Tekst] / N. N. Alevras, N. V. Grishina // Dialog so vremenem. – 2008. – № 25–1. – S. 87–108.
2. Antoshhenko, A. V. Russkij liberal-anglofil Pavel

Gavrilovich Vinogradov [Tekst] / A. V. Antoshhenko. – Petrozavodsk, 2010. – 342 s.

3. Bodrov, O. V. Professor M. M. Kovalevskij. U istokov izuchenija anglijskoj obshhestvennoj i politicheskoj mysli v Rossii [Tekst] / O. V. Bodrov. – Kazan', 2006. – 326 s.

4. Vinogradov, P. G. V Rossii zhelatel'na respublika. Nekotorye vpechatlenija ot russkoj revoljucii [Tekst] / P. G. Vinogradov // Rossiya na rasput'e. Istoriko-publicisticheskie stat'i. – M., 2008. – S. 377–387.

5. Vinogradov, P. G. Rossiya na rasput'e-1 [Tekst] / P. G. Vinogradov // Rossiya na rasput'e. Istoriko-publicisticheskie stat'i. – M., 2008. – S. 460–468.

6. Dolgova, E. A. «Smert' moja byla by gromadnoj semejnoj katastrofoj»: sjuzhety iz zhizni «burzhuznogo» professora v 1920-e gg. [Tekst] / E. A. Dolgova // Rossijskaja istorija. – 2015. – № 4. – S. 77–89.

7. Zezegova, O. I Tradicii «école russe» v issledovanijah sovetskih istorikov [Tekst] / O. I. Zezegova // Dialog so vremenem. – 2008. – № 24. – S. 248–261.

8. Zolotarev, V. P. Istoricheskaja koncepcija N. I. Kareeva: jevoljucija i sodержanie [Tekst] / V. P. Zolotarev. – L., 1988. – 270 s.

9. Kareev, N. I. Prozhitoe i perezhitoe [Tekst] / N. I. Kareev. – L., 1990. – 384 s.

10. Ključevskij, V. O. M. S. Korelin: nekrolog na smert' istorika [Tekst] / V. O. Ključevskij // Rossiya i Sovremennij mir. – 2004. – № 4. – S. 150–160.

11. Kovalevskij, M. M. Moja zhizn' [Tekst] / M. M. Kovalevskij. – M., 2005. – 784 s.

12. Luchickaja, M. V. Memuary [Tekst] / M. V. Luchickaja. – M., 2003. – 212 s.

13. Luchickaja, S. I. Ivan Vasil'evich Luchickij – issledovatel' istorii Ukrainy / S. I. Luchickaja, L. V. Taran // Voprosy istorii. – 2007. – № 3. – S. 153–161.

14. Malinov, A. V. Rossiya v istoriosofskoj publicistike P. G. Vinogradova [Tekst] / A. V. Malinov // Mezhdu-narodnye otnoshenija i dialog kul'tur. – 2016. – № 4. – S. 369–397.

15. Moiseenkova, L. S. Patriarh rossijskoj medievis-tiki (zhizn' i nauchnoe tvorčestvo P. G. Vinogradova) [Tekst] / L. S. Moiseenkova. – Simferopol', 2000. – 194 s.

16. Mjagkov, G. P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoj nauke: opyt «russkoj istoricheskoj shkoly» [Tekst] / Mjagkov G. P. – Kazan', 2000. – 286 s.

17. Mjagkov, G. P. Nauchnoe soobshhestvo istorikov dorevoljucionnoj Rossii v svete «staroj» i «novoj» modeli istoriograficheskogo issledovanija [Tekst] / G. P. Mjagkov // Dialog so vremenem. – 2011. – № 34. – S. 206–214.

18. Mjagkov, G. P. Russkaja istoricheskaja shkola. Metodologicheskie i idejno-politicheskie pozicii [Tekst] / G. P. Mjagkov. – Kazan', 1988. – 190 s.

19. M. M. Kovalevskij. Uchenyj, gosudarstvennyj i obshhestvennyj dejatel' i grazhdanin [Tekst]: sbornik statej [Tekst]. – Pg., 1917. – 278 s.

20. Nikiforov, Ju. S. Istoriki «russkoj shkoly» v jepohu Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) [Tekst] / Ju. S. Nikiforov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – № 2. – C. 54–59.

21. Nikiforov, Ju. S. Kul'tura rossijskogo istorika poslednej treti XIX – nachala XX v. (na primere predstavitelej «russkoj istoricheskoj shkoly») [Tekst]: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk / Ju. S. Nikiforov. – Jaroslavl', 2010. – 24 s.

22. Nikiforov, Ju. S. Proishozhdenie i harakter Pervoj mirovoj vojny v liberal'no-patrioticheskom diskurse istorikov «russkoj shkoly» (1914–1916 gg.) [Tekst] / Ju. S. Nikiforov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – № 3. – S. 45–52.

23. Pogodin, S. N. Russkaja istoricheskaja shkola: N. I. Kareev, M. M. Kovalevskij, I. V. Luchickij [Tekst] / S. N. Pogodin. – SPb., 1997. – 280 s.

24. Repina, L. P. Intellektual'naja kul'tura kak predmet issledovanija [Tekst] / L. P. Repina // Dialog so vremenem. – 2011. – № 36. – S. 5–8.

25. Safronov, B. G. Voprosy istoricheskoj teorii v rabotah M. S. Korelina [Tekst] / B. G. Safronov. – M., 1984. – 172 s.

26. Filimonov, V. A. N. I. Kareev i Pervaja mirovaja vojna: vzgljad ochevidca i refleksija istorika [Tekst] / V. A. Filimonov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2015. – № 1. – S. 106–112.